

Мигаль А. С. Концепт ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке / А. С. Мигаль // Научный диалог. — 2015. — № 11 (47). — С. 150—162.

УДК 94“15/18”

Концепт ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке

© Мигаль Анастасия Сергеевна (2015), аспирант, кафедра зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), migal-anastasia@mail.ru.

Рассматривается понятие «восточный деспотизм» в дискурсе французских интеллектуалов XVIII века. Отмечается, что и сегодня большинство людей представляют страны Ближнего Востока как государства, в которых невозможны демократия, гражданские права и свободы, однако это мнение возникло не сейчас, а несколько столетий назад. Автор исходит из того, что корни этих стереотипов уходят в эпоху Просвещения. Выявляются основные элементы образа восточной деспотии. Охарактеризованы представления о причинах и факторах, способствовавших, по мнению западноевропейских просветителей XVIII века, возникновению деспотизма в мусульманских странах. На основе анализа исследуемых текстов воссоздается образ восточного правителя-деспота. Излагаются оценки особенностей системы управления на Востоке в контексте общественно-политического развития эпохи. Уделено внимание истокам представлений французских мыслителей, а именно источниковой базе, на которую они опирались, создавая свои труды. Автором предпринята попытка ответить на вопрос о целях, которые преследовали французские интеллектуалы эпохи Просвещения, развивая и распространяя идею о деспотизме на Ближнем Востоке. Отмечается, что они, разрабатывая теории

об идеальных формах правления, не могли не конструировать антиидеал.

Ключевые слова: восточный деспотизм; ислам; французские просветители; стереотипы; эпоха Просвещения.

1. Вводные замечания

Французские интеллектуалы эпохи Просвещения внесли большой вклад в развитие политической философии и мировой общественной мысли. Их идеи об идеальных моделях правления и государственного устройства, естественном праве, разделении властей и спустя триста лет остаются актуальными. Вместе с этими идеями в политическую мысль прочно вошли и некоторые стереотипы. Под политическим стереотипом в данном случае понимается устойчивое и упрощенное представление о политическом строе, обобщенный и эмоциональный образ политического строя и системы управления.

Западноевропейские просветители, склонные к классификации и типологизации явлений и процессов, выделяли три основные формы правления: республиканскую, монархическую и деспотическую (последнюю обычно связывали с Востоком и иногда называли тиранией). Монтескье Шарль Луи де Секонда, барон де ла Бред (1689—1755) дал им следующие определения: «Республиканское правление — это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое — при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица» [Монтескье, 1999, с. 17]. Эти три формы располагались в порядке от лучшей к худшей, по мнению философа. Деспотическое правление было неким антиподом идеальным формам правления, антиидеалом, которому нельзя следовать, и вместе с тем представление о нем было одним из самых ярких политических стереотипов эпохи Просвещения.

2. Образы восточного правителя и его подданных

Следует отметить, что сами идейные истоки типологизации форм политического правления и концепта восточного деспотизма берут начало ещё в древнегреческой философии, которой так восхищались французские интеллектуалы XVIII века. Большинство из них никогда

не были на Востоке и все знания о нем черпали из трудов античных авторов, на которых неоднократно ссылались в собственных работах. В частности, Монтескье в своей знаменитой работе «О духе законов», опубликованной в 1748 году, неоднократно делал ссылки на Аристотеля. Древнегреческий философ понимал под деспотизмом систему подчинения рабов власти хозяина и считал, что власть правителя над населением его страны в какой-то степени схожа с этой системой подчинения, но всё зависит от отдельно взятого региона и нравов его жителей. В «Политике» он утверждал, что именно людям в Азии не хватает мужества и «поэтому они живут в подчинённом и рабском положении» [Аристотель, 1983, с. 601]. Ш. Л. Монтескье, Ф. М. Вольтер (1694—1778), а затем и К. А. Гельвеций (1715—1771), продолжив развивать идеи Аристотеля, писали, что такая система возможна только на Востоке. Если географически и исторически республиканскую форму правления интеллектуалы ассоциировали с Древней Грецией и Римской империей, а монархию — с современными им европейскими странами, то к деспотиям они, вслед за античными предшественниками, относили формы правления на Востоке.

Французские просветители, характеризуя восточный деспотизм и тиранию, так же, как и античные мыслители, подчёркивали, что власть находится в руках одного человека, который волен распоряжаться ею, как посчитает нужным. Такой правитель, в их представлениях, был предрасположен к лени и стремлению жить в роскоши, не заботясь о благополучии своих подданных. Воспитанный в условиях гарема, он не обладал достаточными знаниями и опытом, чтобы править. Восточный деспот — это невежественный человек, «которому все пять чувств говорят, что он — все, а прочие люди — ничто» [Монтескье, 1999, с. 60]. Таковыми, по мнению философа, их делало долгое нахождение в серале до восшествия на престол. В деспотиях не было чёткого порядка престолонаследования, это вызывало постоянную нестабильность и заставляло султанов убивать или заточать в тюрьму своих братьев-конкурентов. Это не могло не отражаться на психологическом состоянии будущего правителя. Поэтому, по мнению Ш. Л. Монтескье, в мусульманских странах жажда власти сильнее, чем в европейских.

Кроме жестокости и постоянного страха за свою жизнь, которые неизбежно возникали в процессе нахождения в условиях сера-

ля, у султана, как считал Монтескье, возникала привычка заниматься в первую очередь делами гарема. Поэтому, будучи у власти, этот правитель был больше занят личными, а не государственными вопросами: «Чем обширнее государство, тем обширнее сераль и тем, следовательно, более государь упивается наслаждениями <...> тем меньше он озабочен делами правления» [Монтескье, 1999, с. 26]. Так, как восточный правитель не занимался государственными делами, все полномочия он передавал визирю. Тем не менее в любой момент он может лишиться его не только этого поста, но и жизни. «Визирь есть сам деспот, и каждый чиновник есть визирь. В монархических правлениях власть не передается в такой непосредственной полноте» [Монтескье, 1999, с. 64]. То есть модель правления на Ближнем Востоке, в понимании французских интеллектуалов, являла собой сложившуюся вертикаль власти и подчинения, в которой есть свой управитель-тиран в каждой провинции, области и деревне, представляющий авторитет верховной власти; подвластные ему жители этих территорий, находящиеся в постоянном угнетении, стремятся добиться его расположения к себе, и поэтому между ними идет непрерывная борьба за его внимание, что ведет к «всеобщей деградации» [Volney, 1805, p. 186].

Причём ни один чиновник в такой системе не был заинтересован в служении на благо общества, каждый стремился прежде всего к собственному обогащению. Отсюда, говоря современным языком, возникала проблема коррупции, о которой писали просветители: «В деспотических государствах существует обычай, согласно которому всякое обращение к высшему лицу и даже к самим государям должно сопровождаться подношениями. Император Могола не принимает просьб от своих подданных без какого-нибудь подношения с их стороны. Эти государи доходят до того, что за подарки продают свои милости» [Монтескье, 1999, с. 65—66]. Здесь интересно отметить, что сведения (и стереотипы) о текущем состоянии дел в мусульманских империях философы находили в записях путешественников. Монтескье, в частности, ссылался на источники, опубликованные во второй половине XVII — начале XVIII вв.: «Сборник путешествий, способствовавших установлению Ост-Индской компании», «Современное состояние Османской империи» (1665) британского диплома-

та Поля Рико, «Шесть путешествий Жана-Батиста Тавернье» (1676), французского купца, описавшего свои поездки по Азии и Востоку, «Дневник путешествия кавалера Шардена в Персию и Восточную Индию через Чёрное море и Колхиду» (1711) и «Путешествие в Левант» (1717) Жозефа Питтона де Турнефора. Описания мусульманских государств, обычаев и традиций, не всегда достаточно хорошо понятых ими, повлияли и на представления Монтескье, об этом подробнее см. [Young, 1978]. Путешественники часто описывали не то, что видели, а то, что хотели увидеть. То есть они приезжали в другие страны уже со сложившейся системой представлений о их жителях и культуре и стремились найти соответствия своим стереотипам. Это было характерно как для поколения путешественников XVII века, так и для последующих поколений. Учёный-ориенталист Константин Вольней (1757—1820), побывавший в путешествии по землям Османской империи и опубликовавший в 1785—1787 гг. свой дневник, описал Египет как государство, находившееся в стадии варварства, где нет законов и частной собственности, где паши и беи, ведя роскошный образ жизни, но в то же время постоянно опасаясь гибели, придумывают все новые способы обогатиться за счет торговцев и крестьян, «турецкое управление Сирией является чистой формой военного деспотизма; большая часть населения находится во власти капризов группы вооруженных людей, дающих распоряжения в соответствии с их интересами и причудами» [Volney, 1798, p. 221]. О «военном деспотизме» и неустойчивости режимов в мусульманских странах писали Клод Адриан Гельвеций и Дени Дидро (1713—1784): «Султана поддерживает лишь разнузданная солдатня, которая и ему самому подчинена лишь в той мере, в какой он позволяет ей грабить и угнетать остальных подданных. Подчас янычары его убивают и распоряжаются его троном...» [Философия..., 1994, с. 487]. Примечательно, что если Ш. Л. Монтескье, разрабатывая свою теорию восточного деспотизма, апеллировал к авторитету древнегреческих мыслителей, то К. А. Гельвеций уже ссылался собственно на него. Его замечания о военном деспотизме («военщине») напоминают слова его предшественника, так же, как совпадают их концепты восточного деспотизма в целом [Гельвеций, 1973, с. 420, 422—436]. Иначе говоря, в эпоху Просвещения в среде французских интеллектуалов

сложилась своеобразная цепочка передачи стереотипов из поколения в поколение.

3. Составляющие концепта ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ: отсутствие законов, обширные размеры империи, страх подданных и др.

Важнейшим элементом концепта ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ в представлениях просветителей XVIII века была идея о главном недостатке описываемых режимов — отсутствии законов и учреждений, которые бы следили за их исполнением. Они писали о том, что «в умеренных государствах» (то есть в республиках и монархиях) есть закон, который всем известен и которым все руководствуются, а «при деспотическом правлении, где закон есть воля государя, как бы ни был мудр этот государь, чиновник все-таки не может руководствоваться его волей, потому что не может знать ее, и потому он руководствуется собственной волей» [Монтескье, 1999, с. 65]. Французские философы в своих политических теориях попытались объяснить отсутствие законов и причину возникновения восточного деспотизма в целом. Одна из причин, по их мнению, заключалась в роли религии и обычаев. Они считали, что в странах Ближнего Востока ислам и традиции, с ним связанные, заменили основные законы и учреждения, которые бы следили за их соблюдением. Причём если христианство в Европе положительно влияло на её развитие, то ислам, наоборот, препятствовал, по их мнению, развитию стран мусульманского Востока: «Так как христианская религия воспрещает многоженство, христианские государи ведут менее замкнутый образ жизни, менее отделены от своих подданных, а следовательно, и сами в большей степени являются людьми; они более расположены к тому, чтобы предписывать себе законы <...> Между тем как магометанские государи беспрестанно сеют вокруг себя смерть и сами погибают насильственной смертью, у христиан религия делает государей менее боязливими, а следовательно, и менее жестокими» [Монтескье, 1999, с. 380]. По мнению французских интеллектуалов XVIII века, виной тому были воинственность и жестокость мусульманской религии, а также догматичное следование предписаниям Корана о необходимости подчинения территорий, на которых жили неверные. Причём

после захвата этих территорий мусульмане не были в состоянии эффективно ими управлять. К. Вольней писал, что Коран научил арабов завоевывать новые территории, но не научил эффективному государственному управлению, и видел в этом основную причину распада Арабского халифата [Volney, 1805, p. 93].

Другим фактором, способствовавшим развитию деспотической формы правления, по мнению французских просветителей, был размер государства. Чем больше было государство, тем сильнее была вероятность развития деспотизма: «Обширные размеры империи — предпосылка для деспотического управления. Надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой выполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учетом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства» [Монтескье, 1999, с. 113].

Третий фактор, который выделили Монтескье, Вольтер и Гельвеций, состоял в том, что вся политическая система восточного деспотизма держалась на страхе подданных и религии, которая его поддерживала, а также легитимировала власть в условиях отсутствия гражданского законодательства. «В деспотических государствах, — писал Монтескье, — религия имеет большее влияние, чем во всех прочих; она — страх, прибавляемый к страху. Отчасти из её источника и черпает народ в магометанских государствах ту изумительную преданность, которую он питает к своим государям» [Монтескье, 1999, с. 25]. Что касается жителей деспотий, то мыслителям эпохи Просвещения они представлялись слабыми, ленивыми (что часто объяснялось просветителями климатической теорией) и необразованными людьми, привыкшими к рабологии. Они были убеждены в том, что основной целью воспитания в восточных деспотиях было привить человеку идею безоговорочного подчинения и лишить стремления размышлять, сомневаться и обсуждать. Европейцы же, в отличие от них, были людьми благородными и свободолюбивыми. По этой причине, по мнению Гельвеция, деспотизм во Франции вообще не существовал и не мог возникнуть [Гельвеций, 1973, с. 416]. Его современник Дени Дидро

полностью разделял эту точку зрения. В статье о политической власти своей знаменитой «Энциклопедии» (1751) он писал следующее: «Если сравнить... Францию и Турцию, то в первой существует общество людей, объединенных разумом и руководимых добродетелью, управляемое по законам справедливости столь же мудрым, сколь и славным главой. В другой стране есть лишь стадо животных, составленное силой привычки и вынужденное маршировать по закону кнута, по капризу полновластного господина» [Философия..., 1994, с. 437].

Интересно и то, что в XVIII веке у европейцев были не только представления о собственном превосходстве, но и первые мысли о положительном влиянии европейской цивилизации на мусульманскую. По мысли Монтескье, турки забросили все искусства и пребывают в невежестве, всеми достижениями они обязаны европейцам: «Сами они не способны к торговле и вместе с тем не любят, когда европейцы, всегда работающие и предприимчивые, приезжают к ним торговать: они воображают, что оказывают милость европейцам, когда те обогащают их» [Монтескье, 2011, с. 44].

Что касается будущего восточных деспотий, то, с точки зрения французских мыслителей, оно было вовсе безрадостным. Д. Дидро предсказывал деспотическим государствам, в которых нет дворянства, есть лишь рабы, где отсутствует правосудие и законы, «торговля угнетена, земледелие заброшено, промышленность уничтожена, и никто не думает трудиться», так как не верит в то, что воспользуется плодами своих трудов, три возможных сценария дальнейшего развития: стагнацию («бездействие»), потрясения («бунты») либо гибель [Философия..., 1994, с. 487]. К. Ф. Вольней был убежден в том, что восточный деспотизм не создаёт ничего нового, а только разрушает старое: «Характерной чертой турецкого государства является разрушение результатов труда прошлых эпох и лишение надежды на будущие времена по причине того, что варварство невежественного деспотизма никогда не задумываемся о завтрашнем дне» [Volney, 1805, p. 7].

4. Концепт ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ и критика европейского абсолютизма

Сравнивая мусульманские и азиатские модели правления с европейскими политическими традициями, французские просвети-

тели часто находили элементы деспотизма и в самой Европе. Для того, чтобы выразить отношение к социально-политической обстановке в определенной стране и намекнуть на то, что там при правителе сложился деспотизм, не высказывая резкой критики и негативных оценок, французские философы-просветители часто прибегали в своих сочинениях к гиперболам, метафорам и иносказаниям. Эти приемы носили не только художественные функции, но и помогали избежать цензуры. Монтескье восхищался монархией периода Людовика XIV (1643—1715), но считал, что преемник «короля-солнца» проводит отнюдь не столь блестящую политику. Обращение к восточному колориту в романе «Персидские письма» (1720) позволило философу завуалированно критиковать то, что ему не нравилось в собственной стране в период правления Людовика XV (1715—1774). Этот роман, написанный в популярном тогда жанре писем, повествует о двух персах, которые совершили путешествие в Европу и в своей переписке поделились друг с другом впечатлениями об увиденном. В рассуждениях своих героев автор вложил критику европейских порядков и в особенности системы, сложившейся в современной ему Франции. В одном из писем Узбека к своему другу Иббену содержится следующая характеристика Людовика XV: «Король Франции стар... Как слышно, этот монарх в очень высокой степени обладает талантом властвовать: с одинаковой ловкостью управляет он своей семьей, двором, государством... есть у него, например, министр, которому всего восемнадцать лет, и любовница, которой восемьдесят; он верен своей религии и в то же время терпеть не может тех, кто говорит, что ее нужно соблюдать неукоснительно... часто он предпочитает человека, который помогает ему раздеться или подает ему салфетку, когда он садится за стол, — тому, кто берет для него города или выигрывает сражения...» [Монтескье, 2011, с. 77—78]. Если вспомнить характеристику восточного деспота в «О духе законов», то отдельные её элементы можно с лёгкостью обнаружить в описании Людовика XV в романе «Персидские письма». В этом произведении король предстает перед читателями как правитель, любивший, чтобы ему льстили и угождали, больше заинтересованный в развлечениях и налаживании личной жизни, чем в решении проблем собственной страны.

В своих работах Вольтер также сравнивал политические режимы Востока и Запада. У него был свой антигерой-деспот — король Пруссии Фридрих Вильгельм I (1713—1740). Причём мыслитель даже утверждал, что «в сравнении с деспотизмом, проявляемым Фридрихом Вильгельмом, Турция могла сойти за республику» [Вольтер, 2005, с. 15]. Среди качеств, которыми наделил Вольтер этого короля, были типичные для восточного деспота черты: жестокость и неуважение по отношению к подданным, несправедливость, жажда роскоши и невежество [Там же, с. 16—18]. Интересно, что в мемуарах Вольтера Фридрих Великий, преемник Фридриха Вильгельма I, является полной противоположностью своему отцу. Это не деспот и «вандал», а просвещённый монарх, которого можно ставить в пример другим правителям.

5. Заключение

Таким образом, французские интеллектуалы использовали и развивали идею о деспотизме на Ближнем Востоке, чтобы нагляднее проиллюстрировать свои политические идеалы. Разрабатывая теории об идеальных формах правления, они не могли не создавать антиидеал. Концепт ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ был противопоставлен идее просвещённого абсолютизма, восточный деспот был антиподом просвещённого монарха, рабская психология тёмных восточных людей была представлена кривым зеркальным отражением психологии свободолюбивых и образованных граждан европейских государств. Страны Ближнего Востока представлялись французским мыслителям как места, где происходили страшные преступления, постоянное угнетение и унижение людей, царил атмосфера всеобщего ужаса и страха.

Литература

1. *Аристотель*. Политика / Аристотель. — В книге : Аристотель. Сочинения : в 4 томах / Аристотель. — Москва : Мысль, 1976—1983. — Т. 4. — 1983. — С. 376—644.
2. *Вольтер*. Мемуары Вольтера, написанные им самим в 1759 году и напечатанные лишь в 1784 году / Вольтер. — В книге : Вольтер. Философские трактаты и диалоги / Вольтер. — Москва : Эксмо, 2005. — С. 11—73.
3. *Гельвеций К. А.* Об уме / К. А. Гельвеций — В книге : Гельвеций. Сочинения : в 2 томах / Гельвеций. — Москва : Мысль, 1973—1974. — Т. 1. — 1973. — 647 с.

4. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов / Ш. Л. Монтескье. — Москва : Мысль, 1999. — 673 с.
5. *Монтескье Ш. Л.* Персидские письма / Ш. Л. Монтескье. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — 352 с.
6. *Философия* в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / отв. ред. В. М. Богуславский. — Москва : Наука, 1994. — 720 с.
7. *Curtis M.* Orientalism and Islam European Thinkers on Oriental Despotism in the Middle East and India / M. Curtis. — New York : Cambridge University Press, 2009. — 392 p.
8. *Koebner R.* Despot and Despotism : Vicissitudes of a Political Term / R. Koebner // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. — 1951. — Vol. 14. — No. 3/4. — Pp. 275—302.
9. *McAdam J. I.* Rousseau and the Friends of Despotism / J. I. McAdam // Ethics. — 1963. — Vol. 74. — No. 1. — Pp. 34—43.
10. *Richter M.* The Concept of Despotism and l'abus des mots / M. Richter // Contributions to the History of Concepts. — 2007. — Vol. 3. — No. 1. — Pp. 5—22.
11. *Venturi F.* Oriental Despotism / F. Venturi // Journal of the History of Ideas. — 1963. — Vol. 24. — Pp. 133—142.
12. *Volney C.-F.* Travels through Egypt and Syria, in the years 1783, 1784 & 1785 : Containing the present natural and political state of those countries; their productions, arts, manufactures & commerce; with observations on the manners, customs and government of the Turks & Arabs / C.-F. Volney. — In 2 vol. — London : G. and J. Robinson, Pater-Noster-Row, 1805. — Vol. 1. — 387 p.
13. *Volney C.-F.* Travels through Egypt and Syria... / C.-F. Volney. — In 2 vol. — New York : J. Tiebout, for E. Duyckinck & Co. booksellers, 1798. — Vol. 2. — 297 p.
14. *Young D.* Montesquieu's View of Despotism and His Use of Travel Literature / D. Young // The Review of Politics. — 1978. — Vol. 40. — No. 3. — Pp. 392—405.

Concept ORIENTAL DESPOTISM in Views of French Enlighteners on Muslim East

© Migal Anastasiya Sergeevna (2015), post-graduate student, Department of Foreign History and International Affairs, Institute of History and Interna-

tional Affairs, Southern Federal University (Rostov-on-Don), migal-anastasia@mail.ru.

The “Oriental despotism” concept in the discourse of French intellectuals of the XVIII century is considered. It is noted that the majority of people today conceive the Middle East countries as states in which democracy, civil rights and freedoms are not possible. However, this opinion did not come out now, but a few centuries ago. The author proceeds from the fact that the roots of these stereotypes go back to the Age of Enlightenment. The main elements of the image of oriental despotism are revealed. The conceptions on the reasons and factors that contributed, according to the Western European Enlighteners of the XVIII century, to the emergence of despotism in the Muslim countries are characterized. Based on the analysis of texts the image of eastern despotic ruler is reconstructed. The assessments of features of the East management system in the context of socio-political development of the era are stated. Attention is paid to the origins of ideas of French thinkers, namely the source base on which they were based when creating their works. The author attempts to answer the question about the goals that haunted French intellectuals of the Enlightenment, developing and spreading the idea of despotism in the Middle East. It is noted that when developing the theory of ideal forms of government they could not but constructed the anti-ideal.

Key words: oriental despotism; Islam; French Enlighteners; stereotypes; Enlightenment.

References

- Aristotel. 1983. *Politika*. In: Aristotel. *Sochineniya*: v 4 tomakh. Moskva: Mysl. 4: 376—644. (In Russ.).
- Boguslavskiy, V. M. (ed.). 1994. *Filosofiya v «Entsiklopedii» Didro i Dalamberta*. Moskva: Nauka. 720. (In Russ.).
- Curtis, M. 2009. *Orientalism and Islam European Thinkers on Oriental Despotism in the Middle East and India*. New York: Cambridge University Press. 392.
- Gelvetsiy, K. A. 1973. Ob ume. — In: Gelvetsiy. *Sochineniya*: v 2 tomakh. 1. Moskva: Mysl. 1: 647. (In Russ.).
- Koebner, R. 1951. Despot and Despotism: Vicissitudes of a Political Term. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 14(3/4): 275—302.
- McAdam, J. I. 1963. Rousseau and the Friends of Despotism. *Ethics*, 74(1): 34—43.

- Monteskye, Sh. L. 1999. *O dukhe zakonov*. Moskva: Mysl. 673. (In Russ.).
- Monteskye, Sh. L. 2011. *Persidskie pis'ma*. — Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. 352. (In Russ.).
- Richter, M. 2007. The Concept of Despotism and l'abus des mots. *Contributions to the History of Concepts*, 3(1): 5—22.
- Venturi, F. 1963. Oriental Despotism. *Journal of the History of Ideas*, 24: 133—142.
- Volney, C.-F. 1805. *Travels through Egypt and Syria, in the years 1783, 1784 & 1785: Containing the present natural and political state of those countries; their productions, arts, manufactures & commerce; with observations on the manners, customs and government of the Turks & Arabs*: In 2 vol. London: G. and J. Robinson, Pater-Noster-Row. 1: 387.
- Volney, C.-F. 1798. *Travels through Egypt and Syria*.... In 2 vol. New York: J. Tiebout, for E. Duyckinck & Co. booksellers. 2: 297 p.
- Volter. 2005. Memuary Voltera, napisannye im samim v 1759 godu i napechatannyye lish v 1784 godu. In: Volter. *Filosofskiye traktaty i dialogi*. Moskva: Eksmo. 11—73. (In Russ.).
- Young, D. 1978. Montesquieu's View of Despotism and His Use of Travel Literature. *The Review of Politics*, 40(3): 392—405.